

Е. И. Замылин

РЕАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ФУНКЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Меры пресечения составляют особую группу мер процессуальной защиты добросовестного участника уголовного процесса; первопричиной их применения является наличие данных о психическом или физическом насилии (или сведений о подобном намерении) со стороны подозреваемого (обвиняемого) в отношении лица, как следствие содействия расследованию преступления. Применение мер пресечения оказывает соответствующее психологическое воздействие и на иных фигурантов в плане предупреждения с их стороны действий, препятствующих или затрудняющих установление истины по делу, убеждая в неотвратимости принудительных мер в случае нарушения закона и правопорядка.

Ключевые слова: меры уголовно-процессуального принуждения, меры пресечения, обеспечение безопасности, следователь, подозреваемый (обвиняемый), потерпевший, жертва посткриминального воздействия

Е. I. Zamylin

IMPLEMENTATION OF THE STATE FUNCTION TO PROVIDE SAFETY FOR CRIMINAL PROCEEDINGS PARTICIPANTS AS ONE OF THE GROUNDS FOR APPLYING MEASURES OF RESTRICTION

Measures of restriction are considered to be a special group of measures of procedural protection of the innocent participant of criminal proceedings. The application of these measures is initially caused by the data about mental or physical violence (or the data about the intention to do it) on the part of the suspect or the accused towards the person as a result of rendering assistance to criminal investigation. The application of measures of restriction exerts a corresponding psychological influence upon other participants in terms of preventing them from actions obstructing the establishment of the truth on the case. It makes it clear that in case of violation of law and order measures of restriction are inevitable.

Keywords: criminal and procedural enforcement measures, measures of restriction, providing safety, investigator, suspect (accused), victim, victim of post-criminal influence.

Выступая гарантом безопасности личности, государство наделяет правоохранительные органы и суд правом реализации комплекса мер уголовного, уголовно-процессуального, административного, уголовно-исполнительного принуждения в отношении лиц, которые ставят под угрозу безопасность добросовестных участников уголовного процесса. Применение мер уголовно-процессуального принуждения в последнее время находит довольно широкое распространение на практике именно как

следствие активного противодействия расследованию преступлений. В целом это свидетельствует о расширении круга лиц, участвующих в посткриминальном воздействии, изоционности форм и методов, применяемых ими, а соответственно, о запредельной нагрузке следователей.

Любая принудительная мера в уголовном судопроизводстве предполагает нарушение личной неприкосновенности индивида. Поэтому ограничение прав и свобод граждан со стороны

следователя должно быть реализовано строго в рамках действующего законодательства, посредством применения специальных актов, регламентирующих психическое или физическое воздействие на субъект противодействия в целях подчинения его воли и поведения интересам установления истины по делу. Закон, закрепляя за следователем право применения мер уголовно-процессуального принуждения, обязывает должностное лицо действовать в соответствии с правовыми предписаниями.

Целью применения мер принуждения считается обеспечение устойчивого процессуального порядка, надежного функционирования уголовного судопроизводства [1, с. 31]. Решая проблему обеспечения безопасности добросовестных участников уголовного процесса и их близких, необходимо принимать определенные превентивные меры в отношении лиц, от которых исходит угроза.

Несмотря на то, что «всякий человек свободен, ... общество обладает правом лишить его свободы, свобода перестает быть одним из прав гражданина, если он злоупотребляет ею, используя ее во вред своим согражданам» [2, с. 38]. Ограничение неприкосновенности личности одних, совершивших противоправное деяние, создает условия для реализации конституционного принципа неприкосновенности личности других, содействующих уголовному судопроизводству.

Следователь как представитель властных государственных структур может применять ограничения в строго определенных законом случаях, при том, что правонарушитель при реализации в отношении его комплекса принудительных мер обязан претерпеть связанные с этим лишения и ограничения. В результате обеспечения безопасности лиц, содействующих раскрытию и расследованию преступлений, со стороны уполномоченных государством лиц (в нашем случае — следователя) происходит вторжение в сферу предусмотренных Основным законом государства (Конституцией) и иными нормативными актами прав и свобод субъекта противодействия расследованию.

Под перечень ограничений можно отнести ограничение свободы, права осуществлять определенную трудовую деятельность, нарушение неприкосновенности жилища, тайны переписки и пр. В результате уголовно-процессуальной деятельности следователя по применению мер принуждения страдает не только физическая, нравственная и психическая целостность, но и индивидуальная свобода субъекта противодействия. Подобные ограничения носят вынужденный характер и направлены на создание условий для успешной реализации назначения уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальным кодексом РФ определен перечень мер принуждения, посредством которых может быть существенно ограничена и личная неприкосновенность: это — задержание, применение мер пресечения, приводы, принудительное производство следственных действий, отобрание подписки, предупреждение об ответственности и т. д. При этом задержание, меры пресечения и приводы являются фактически принудительными; их можно обозначить как меры обязательного принуждения. К мерам возможного принуждения отнесены: производство следственных действий, для которых предусмотрен принудительный порядок осуществления, отобрание подписок, предупреждение об ответственности. Такие ограничительные меры могут нести в себе как принудительные (помимо воли лица), так и добровольные начала [3, с. 16].

Основное назначение мер уголовно-процессуального принуждения — это возможность наступления или фактическое наступление негативных последствий для субъекта как следствие его противодействия расследованию или намерения реализации им противоправных действий в данном направлении; им присущ четко выраженный пресекающий и предупредительный характер. Применяемые в качестве способов воздействия на поведенческие установки участвующих в деле лиц они характеризуются следующим:

1) осуществляются при производстве по уголовному делу и носят процессуальный характер;

2) применяются уполномоченными на то органами государства и должностными лицами в пределах полномочий;

3) применяются к участвующим в уголовном процессе лицам, ненадлежащее поведение которых или возможность такого поведения создает или может создать препятствия для производства по делу;

4) имеют конкретные цели, вытекающие из общих задач уголовного судопроизводства;

5) применяются при наличии предусмотренных законом оснований, условий и в порядке, гарантирующем их законность и обоснованность;

6) имеют особое содержание и характер [4, с. 40; 5, с. 159].

Наиболее полно и ярко уголовно-процессуальное принуждение проявляется в результате применения мер пресечения; сущность этого вида принуждения, как верно подмечено, является «визитной карточкой» цивилизованности государства [6, с. 85]. Исследуемая сфера правоотношений между личностью и государством характеризуется наибольшим проникновением интересов государства в права человека.

Меры пресечения составляют особую группу мер процессуальной защиты добросовестного участника уголовного процесса: первопричиной их применения является наличие достаточных данных относительно угроз (или сведений о подобном намерении) со стороны подозреваемого (обвиняемого) в отношении лица, как следствие его активного содействия установлению обстоятельств по уголовному делу. Исходными данными для принятия решения о применении той или иной меры пресечения являются собранные по делу доказательства, которые отражены в материалах уголовного дела, и иная информация, имеющая непосредственное отношение к противоправному деянию, в совокупности с данными, характеризующими личность субъекта противодействия.

К основным причинам реализации комплекса уголовно-процессуальных мер принудительного характера (*имеем в виду меры пресечения, в*

своей основе — заключение под стражу) в отношении субъекта посткриминального воздействия следует отнести:

1) бесполезность мер убеждения (преодоление противодействия расследованию со стороны заинтересованных лиц посредством этого метода исключено);

2) тяжкие последствия посткриминального воздействия (противодействие подпадает под признаки уголовно наказуемого деяния);

3) невозможность установления истины по делу без принятия кардинальных мер в отношении субъекта посткриминального воздействия, в том числе изоляции от общества;

4) ходатайство жертвы посткриминального воздействия.

Касаясь реализации последнего пункта в рамках действующего законодательства, следует заметить, что в литературе не совсем корректно сформулировано предложение о необходимости дополнения УПК РФ в части оснований для избрания меры пресечения обвиняемому. Так, по мнению С. А. Янина, назрела необходимость в интересах обеспечения безопасности потерпевшего учитывать мнение последнего при избрании или отмене меры пресечения [7, с. 119].

Представляется, что если при регламентации оснований отмены меры пресечения данное предложение может быть принято за основу, то указание об учете мнения потерпевшего при избрании меры пресечения не совсем уместно. Законодатель однозначно дает понять: критерием избрания меры пресечения в отношении обвиняемого является наличие достаточных оснований полагать, что последний может угрожать участникам уголовного судопроизводства (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК). Данное «полагание» формируется, кроме прочего, и с учетом показаний участников уголовного процесса, представляющих сторону обвинения (в том числе потерпевшего), где, безусловно, будет изложено его мнение по данному факту. Думается, что нет необходимости дублировать положение, уже имеющееся в законе.

Придерживаясь позиции о необходимости превентивных действий следователя в каждом случае посткриминального воздействия, следует

отметить, что довольно трудно прогнозировать поведение того или иного участника уголовного процесса, особенно на первоначальном этапе расследования, когда практически отсутствует характеризующая его информация. Здесь непреходящее значение имеют сведения, полученные в результате оперативно-разыскной деятельности. Соответственно, анализ собранной по делу информации, независимо от источников ее происхождения, позволяет вырабатывать наиболее вероятную прогностическую модель поведения того или иного лица в конкретной ситуации, складывающейся в процессе расследования.

Поэтому позволим себе не согласиться с позицией Н. В. Бушной, когда она (безусловно, именно в целях выяснения обстоятельств по делу и обеспечения прав личности в ходе расследования) приводит аргументы в пользу того, что при решении вопроса о мере пресечения вывод о вероятном поведении обвиняемого (подозреваемого) должен базироваться на объективно установленных фактах и доказательствах. Однако при этом автор указывает, что за основания для «предположения» берется и прошлая судимость, и наличие преступных связей, и пр. [8] Здесь, по нашему мнению, явная непоследовательность в обосновании занимаемой позиции: наряду с доказательственной базой в процессе выбора той или иной меры пресечения не отбрасывается безоговорочно роль данных, которым присущ субъективный характер.

Оценка возможности наступления тех или иных последствий, предусмотренных основаниями применения мер пресечения, должна проходить и через призму субъективного мнения лица, избравшего меру пресечения [6, с. 97]. В формировании же внутреннего убеждения следователя (его собственного видения проблемы) значительное место занимают практические навыки (опыт следственной работы), его умение критически анализировать информацию, полученную из различных источников, в том числе негласного характера, и т. д.

Поскольку в материалах уголовного дела часто содержится довольно противоречивая информация о личности субъекта посткриминального воздействия, принятие следователем решения о мере процессуального принуждения может быть затруднено. Решение, обоснованное необходимостью предупреждения и нейтрализации посткриминального воздействия, вряд ли будет отвечать интересам расследования без учета оперативной информации, являющейся своеобразным накопителем сведений о личности фигуранта в ходе оперативного сопровождения по делу. Не исключение и случаи, когда оперативная информация в отношении личности субъекта посткриминального воздействия представлена в более широких границах, а степень ее достоверности значительно выше, чем закрепленная процессуально. Именно оперативная информация по делу в сочетании с данными, полученными и закрепленными процессуальным путем, позволяет предвидеть (предполагать) неправомерное воздействие в отношении добросовестных участников процесса, а значит своевременно принимать меры профилактического характера и пресекать факты противодействия расследованию.

В этико-правовом аспекте заслуживает внимания вопрос о том, является ли применение мер пресечения правом или обязанностью следователя. По свидетельству Ю. В. Манаева, в некоторых научных публикациях это трактуется исключительно как право, но ни в коем случае — как обязанность следователя. Однако при наличии определенных обстоятельств по делу указанное право нередко превращается в прямую обязанность, служебный и нравственный долг следователя [9, с. 61].

В самом деле, если лицо, совершившее преступление, оставаясь на свободе, осуществляет противоправную деятельность, в том числе посредством угроз, физического насилия в отношении добросовестных участников уголовного судопроизводства, то одной из первейших обязанностей следователя является изоляция данного подозреваемого (обвиняемого) от общества: избрание в отношении его соответствующей меры пресечения. В противном

случае непринятие мер по пресечению и нейтрализации посткриминального воздействия можно рассматривать как серьезное упущение, ставить под сомнение компетентность следователя, его профессиональную пригодность.

Особенность мер пресечения характеризуются тем, что они (в отличие от иных мер уголовно-процессуального принуждения) обладают значительной правоограничительной способностью. Используя их, следователь вторгается в сферу охраняемых законом прав и свобод личности, а значит, должен определять действительную необходимость их избрания. В наибольшей степени это относится к домашнему аресту и заключению под стражу. Так, например, в результате применения домашнего ареста следователь реализует возможность ограничить общение субъекта с определенным кругом лиц (соучастниками, жертвой посткриминального воздействия и пр.), получать и отправлять корреспонденцию, вести переговоры с использованием любых средств связи и т. д. [10].

В целях предупреждения (пресечения) физического и психического насилия в отношении лиц, содействующих уголовному правосудию, и их близких, по нашему мнению, следует избирать исключительно такую меру пресечения, как заключение под стражу. Заслуживает в этом случае внимания мнение профессора Л. В. Брусницына о том, что «решение об избрании меры пресечения будет своевременным (законным), если избранная мера пресечения предотвратит возможные угрозы участникам уголовного судопроизводства, а не пресечет уже высказываемые, и, тем более, осуществляемые угрозы» [11, с. 23]. Означенное не противоречит требованиям закона (п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК): при заключении под стражу субъект посткриминального воздействия лишается возможности непосредственного неправомерного воздействия на участников уголовного судопроизводства и иных лиц.

Применение мер пресечения не ограничивается только «пресечением» неправомерной деятельности определенной категории лиц, оно оказывает и соответствующее психологическое воздействие на иных фигурантов в плане

предупреждения с их стороны действий, препятствующих или затрудняющих установление истины по делу, убеждая их в неотвратимости принудительных мер в случае нарушения закона и правопорядка.

Анализ практики середины 80-х гг. прошлого века показал, что наиболее распространенным основанием для избрания мер пресечения в виде заключения под стражу было наличие доказательств о том, что обвиняемый, находясь на свободе, может скрыться от следствия и суда (53,7 %). Реже за основу брались доказательства, указывающие на то, что данная категория участников уголовного судопроизводства пытается воспрепятствовать установлению истины по делу (6,7 %) [12, с. 16]. Проведенное нами изучение уголовных дел, возбужденных и оконченных производством за последние 10 лет, выявило, что почти 19 % постановлений о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу содержали ссылку на наличие достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства... (п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК) [13].

Любая из мер пресечения, избранная в отношении конкретного лица, оказывает определенное воздействие психологического характера на подозреваемого (обвиняемого) и его окружение; по градации воздействия она прямо пропорциональна строгости меры пресечения. Но об их эффективности надо судить не только по тому, насколько они «пресекают» саму возможность неправомерного воздействия в отношении добросовестных участников уголовного процесса, но и по тому, насколько допускаемое при этом стеснение прав и законных интересов фигуранта соразмерно с действительно необходимым их ограничением: «ограничения личной свободы должны быть строго соизмеримы с задачей обеспечения и защиты личной безопасности граждан от возможных посягательств на нее преступных элементов» [14, с. 85].

Права в этом случае Т. Ю. Кобозева, когда рассматривает в качестве цели принуждения не

подавление воли фигуранта полностью, «а лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы лицо избрало навязываемый вариант поведения. Таким образом, у принуждаемого лица с необходимостью сохраняется известная способность руководить своими действиями» [15, с. 288]. Данной проблеме уделяет внимание в своей монографии и профессор В. М. Быков. Он считает, что принуждения должно быть ровно столько, насколько оно необходимо для обеспечения эффективности производства следственных действий, достижения их целей и своевременного собирания доказательств по делу [16, с. 192].

Обоснованный подход к избранию меры пресечения имеет особую значимость в реализации принципа убеждения, а значит, и воспитательного эффекта, оказывая соответствующее воздействие как на обвиняемого (подозреваемого), так и на иных участников уголовного судопроизводства в положительном плане.

В целях разумного сочетания убеждения и принуждения следователь в ходе расследования по делу должен периодически возвращаться к вопросу изменения строгости меры пресечения. Мы имеем в виду ситуацию, когда встает вопрос об отмене более строгой меры пресечения и замене ее на более мягкую. Однако надо признать, что ни в одном уголовном деле, среди изученных в процессе сбора эмпирического материала, означенная мера воспитательного характера не встречалась, если не брать в расчет случаи, когда в продлении срока заключения под стражей следователю было отказано или мера пресечения была отменена в порядке надзора.

Примечания

1. Трунов И. Л., Трунова Л. К. Меры пресечения в уголовном процессе: монография. СПб.: ЮридЦентр-Пресс, 2003. С. 356.
2. Гольбах П. А. Избранные произведения: в 2 т. / Институт философии АН СССР / пер. с фр. Т. С. Батищевой, В. О. Полонского; под общ. ред. Х. Н. Момджяна. М.: СЭЛ, 1963. Т. 2.
3. Васильева Е. Г. Проблемы ограничения неприкосновенности личности в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002.
4. Бушная Н. В. Проблемы применения мер процессуального принуждения в стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
5. Микаутадзе С. Р. Основания и цели применения мер процессуального принуждения по УПК РФ // Обеспечение общественной безопасности в Центральном федеральном округе РФ: материалы междунар. науч.-практ. конф: в 2 ч. Воронеж: ВИ МВД России, 2007. Ч. 2. С. 159—163.
6. Тарасов А. В. Принуждение и ответственность в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004.
7. Янин С. А. Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005.
8. Бушная Н. В. Указ. соч. С. 57—58. Примерно такого же мнения придерживаются и иные авторы, когда отстаивают позицию, что сторона обвинения должна представить конкретные доказательства оснований применения меры пресечения. Воронин В. Порядок действий судьи при решении вопроса о заключении под стражу // Рос. юстиция. 2002. № 12. С. 45; Жуковский В. Связан ли судья доводами обвинения при решении вопроса об аресте? // Рос. юстиция. 2003. № 4. С. 43; Орлов Р. В. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения на предварительном расследовании в российском уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. С. 19; Попков А. Ю. Применение меры пресечения в виде заключения обвиняемого под стражу при окончании предварительного расследования на стадии подготовки к судебному заседанию: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 14.
9. Манаев Ю. В. Нравственно-правовые аспекты применения мер пресечения в стадии предварительного расследования // Уголовно-процессуальное принуждение и ответственность, их место в решении задач предварительного расследования: сб. науч. тр. Волгоград, 1987. С. 56—62.
10. Однако следует признать, что в настоящее время отсутствуют условия для применения домашнего ареста: закрепив данную меру пресечения в ст. 107 УПК, законодатель поставил перед правоприменителем большое количество процессуальных и прикладных проблем. Так, например, до настоящего времени не созданы специальные органы, которые должны осуществлять надзор за поведением подозреваемого (обвиняемого), и их материально-техническая база; не разработан порядок и способы контроля за соблюдением возложенных на указанных участников уголовного судопроизводства ограничений по общению с определенными лицами, получению и отправлению корреспонденции, ведению переговоров с использованием средств связи и пр. Указанные проблемы влияют на правоприменительную практику и делают домашний арест по-прежнему малоприменяемой мерой пресечения. Об этом см.: Булатов Б. Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве. Омск, 2003. С. 103—104; Антонов И. А. Нравственно-правовые критерии уголовно-процессуальной деятельности следователей. СПб., 2003. С. 136; Буланова Н. В. Заключение под стражу при предварительном расследовании преступлений. М., 2005. С. 21; Исеев Д. Р. Система мер принуждения и порядок их применения в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008. С. 20—21; Соловьев И. Проблемные вопросы исполнения домашнего ареста // Милиция. 2010. № 8. С. 4—7.
11. Брусницын Л. В. Меры пресечения — меры безопасности для участников уголовного процесса // Рос. юстиция. 2005. № 6. С. 22—24.

12. Батюк В. Н. Применение следователем мер процессуального принуждения, связанных с лишением свободы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 1986.

13. По данным О. И. Андреевой, в 23 % ходатайств как поводах к заключению под стражу указывается на возможность угроз со стороны обвиняемого либо на возможность уничтожить доказательства, а также иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Андреева О. И. Решение вопроса об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу: проблема правоприменения // Журнал рос. права. 2005. № 2. С. 74. В результате анализа практики рассмотрения судами ходатайств о заключении под стражу Д. А. Воронов указывает на 42 % случаев обращения органов предварительного следствия, которые были связаны с необходимостью обеспечения безопасности личности. Воронов Д. А. Меры уголовно-процессуального принуждения как средства обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. С. 4.

14. Петрухин И. Л. Человек как социально-правовая ценность // Гос-во и право. 1999. № 10. С. 60—86.

15. Кобозева Т. Ю. Категория «принуждение» в уголовном праве России // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер. «Право». Воронеж, 2008. № 1. С. 279—289.

16. Быков В. М. Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: монография. Казань, 2008.

© Е. И. Замылин, 2012